

О. Демчук

Тверской государственный университет, 3 курс, бакалавриат

Научный руководитель: д.ф.н. Е. Ю. Мяжкова

ЦВЕТОВЫЕ ИДИОМЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Чтобы понять природу цветowych идиом, необходимо обратиться к понятию «картина мира», которое используется в лингвистике для описания восприятия человеком окружающей действительности. Как отмечают Н.А. Любимова и Е.В. Бузальская, «картина мира» имеет сложный терминологический статус: она может выступать и как общенаучное понятие, и как термин категориального аппарата, причём её содержание варьируется в зависимости от области знания (философии, психологии, лингвистики, культурологии) [Любимова, Бузальская 2011: 1–3]. В широком смысле картина мира понимается как целостный глобальный образ мира, являющийся результатом всей духовной активности человека.

Научная картина мира формируется учёными на основе объективных данных, однако каждый человек создаёт индивидуальную модель реальности, опираясь на личный опыт и язык. Язык при этом не только передаёт информацию, но и влияет на восприятие мира, ведь он закрепляет определённые представления у его носителей. Важной частью общей картины мира является цветовая картина мира, потому что цвет составляет значительную долю зрительной информации. Системы цветоименования в разных языках различаются, поскольку каждый язык фиксирует прежде всего те оттенки, которые значимы для данного сообщества [Мишенькина 2010: 3].

Для корректного анализа цветowych идиом необходимо разграничить понятия «картина мира», «языковая картина мира» и «цветовая картина мира». Согласно Н.А. Любимовой и Е.В. Бузальской, картина мира включает в себя как минимум два уровня: уровень отражённых сознанием физических явлений – образ мира – и уровень переосмысления полученных сигналов – модель мира [Любимова, Бузальская 2011: 2]. При этом языковая картина мира (ЯКМ) понимается как «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [Яковлева 1996: 47]. ЯКМ не является самостоятельным пространством, поскольку «язык не может создавать отдельного от человеческого сознания мира, он сам по себе уже выражает человеческий мир как форму отражения объективного мира» [Колшанский 2005: 37].

Цветовая картина мира представляет собой фрагмент языковой картины мира, связанный с восприятием и номинацией цветowych признаков. Она включает в себя как универсальные (обусловленные физиологией зрения), так и культурно-специфические (исторически сложившиеся) компоненты. Именно культурно-специфические компоненты наиболее ярко проявляются в цветowych идиомах.

Идиома (от греч. «*idíoma*» – свойственный, собственный) – это устойчивое выражение или фраза, значение которой не совпадает с буквальным значением входящих в неё слов. Её смысл переносный и понятен носителям языка благодаря привычному употреблению. Благодаря этому формируются цветовые идиомы. Они опираются не только на биологическое восприятие цвета, но и на закреплённые в культуре ассоциации и значения. Таким образом, цветовые идиомы помогают выражать отношение к явлениям и передают особенности восприятия мира, характерные для носителей языка.

Различия в восприятии цвета русскими и англичанами оказывают непосредственное влияние на формирование идиоматических выражений и их семантику. В работе Е.В. Мишенькиной описывается эксперимент, проведённый с использованием метода семантического дифференциала Чарльза Осгуда [Мишенькина 2010]. В нём приняли участие носители русского и английского языков, которым предлагалось оценить основные цвета по шкале от «положительный» до «отрицательный» и записать возникающие ассоциации.

Как показали расчёты Е.В. Мишенькиной, отношение к простым ахроматическим цветам (чёрный, белый, серый) распределилось следующим образом: положительное отношение – 60,46 % у русских против 53,33 % у англичан; нейтральное – 14,53 % у русских против 18,8 % у англичан; отрицательное – 24,99 % у русских против 27,77 % у англичан [цит. раб.: 2]. В группе простых хроматических цветов (синий, красный, жёлтый, зелёный) картина противоположная: положительное отношение – 65,40 % у русских против 78,33 % у англичан; отрицательное – 25,28 % у русских против 13,88 % у англичан [там же].

Таким образом, можно сделать вывод, что русскому языковому сознанию в большей степени присущи ахроматические цвета (особенно белый), а английскому – хроматические цвета. Это различие имеет важное значение для идиоматики. В русском языке чаще используются контрастные, базовые цветовые оппозиции («чёрный – белый»), обладающие яркой оценочной нагрузкой. В английском языке, напротив, наблюдается более разнообразное использование цветовых компонентов, включая сложные и смешанные оттенки.

Е.В. Мишенькина также отмечает, что «активный словарь среднего человека включает от силы 30–40 названий цвета; в Академическом словаре русского языка таких слов порядка 100, а в английском толковом словаре можно найти до 900 терминов цвета» [Мишенькина 2010: 3]. Это обусловлено тем, что английский компенсирует ограниченные словообразовательные возможности за счёт создания новых лексических единиц (*dusty rose, pink ice*). В русском языке, напротив, богатая система словообразования позволяет передавать оттенки цвета с помощью суффиксов (-оват-), повторов (*красным-красно*) и сложных прилагательных (*ярко-красный*). «Существование подобных средств в русском языке увеличивает возможности выражения цвета в десятки раз» [там же]. Таким образом, различия в лексических и

словообразовательных системах русского и английского языков напрямую влияют на формирование и функционирование цветowych идиом, поскольку именно культурно закреплённые способы номинации оттенков создают базу для возникновения устойчивых переносных значений.

Основой практической части моей работы стал сопоставительный анализ цветowych идиом, отобранных методом сплошной выборки из «Англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина [Кунин 1984], а также из пособия Дж. Сейдл и У. Макморди [Seidl, McMordie 1978].

Цель работы – выявить, какие сходства и различия существуют между английскими и русскими цветowymi идиомами, и определить основные способы их перевода с одного языка на другой. Под «переводом» в данном случае понимаются не столько живые акты межъязыкового посредничества, сколько фиксированные в лексикографии «стандартные эквиваленты», предлагаемые двуязычными словарями. Однако в случае отсутствия такого эквивалента требуется особое переводческое решение, которое может опираться на частичное соответствие или на описательную передачу смысла.

Как показал анализ, полные эквиваленты (когда в английском и русском языках совпадает и значение, и цвет, и образ) встречаются довольно редко. Гораздо чаще мы имеем дело либо с частичными соответствиями – когда смысл совпадает, а цвет или образ различаются – либо с безэквивалентными идиомами, которые требуют особых переводческих решений.

Полные эквиваленты возможны в тех случаях, когда образ основан на универсальных зрительных ассоциациях, понятных носителям разных культур. Например, такие выражения, как *(as) black as night* – «чёрный как ночь» или *(as) white as snow* – «белый как снег» [Кунин 1984: 86, 819], совпадают и по значению, и по образу, и сохраняют цвет. В таких случаях перевод не вызывает трудностей, так как совпадает не только смысл, но и культурная база. Подобные устойчивые сравнения восходят к архетипическим оппозициям света и тьмы, свойственным многим культурам.

Частичные эквиваленты – значение идиомы сохраняется, но цветовой компонент или сам образ различаются. Например, выражение *to be in the black* переводится как «быть в плюсе», а *to be in the red* – «быть в минусе» [Кунин 1984: 86, 624]. Мы видим, что в русском языке финансовое состояние не связывается с цветом, поэтому образ утрачивается. В английском языке идиома *black sheep* [Seidl, McMordie 1978: 219] означает человека, который приносит позор своей семье, выделяется в дурную сторону. В русском языке прямой аналог – «паршивая овца». Цвет в русском варианте отсутствует. Иногда можно услышать «чёрная овца», но это калька с английского, не ставшая полноценной русской идиомой. Ещё один пример частичного соответствия – *green light / give the green light* [Seidl, McMordie 1978: 220]. В русском языке существует устойчивое выражение «зелёная улица» (первоначально железнодорожный термин, затем – «свобода действий, разрешение»). Здесь совпадает цвет («зелёный»), но различается образ: в

английском варианте – светофор, в русском – беспрепятственное движение на магистрали.

Безэквивалентные идиомы не имеют устойчивых соответствий в русском языке, потому что связаны с уникальными английскими реалиями. Например, *a red herring* [Seidl, McMordie 1978: 220]. Копчёная сельдь (красная сельдь) использовалась в Англии для отвлечения охотничьих собак от следа. Отсюда – любое отвлекающее обстоятельство, ложный след. В русском языке эта реалия отсутствует, поэтому перевод – «отвлекающий манёвр», «ложный след». Другой пример – *to show the white feather* [Кунин 1984: 268]. Эта идиома восходит к петушиным боям: белое перо в хвосте бойцового петуха считалось признаком плохой породы. В Англии и Австралии получение белого пера означает обвинение в трусости. Его обычно присылают людям, уклоняющимся от военной службы. В русском языке нет аналогичного образа. Есть «показать спину» или «струсить», но без цвета. Безэквивалентные идиомы являются наиболее ярким свидетельством национальной специфики языковой картины мира, поскольку в них фиксируются ситуации, которые не были культурно значимы для другого народа.

Выбор стратегии перевода цветowych идиом зависит от наличия или отсутствия эквивалента. Можно выделить несколько основных:

- Поиск полного фразеологического эквивалента в языке перевода (например, *as white as snow* – «белый как снег»).
- Использование частичного эквивалента, при котором сохраняется или смысл, или образ, или цвет (например, *black sheep* – «паршивая овца», *green light* – «зелёная улица»).
- Описательный перевод, применяемый в случае отсутствия соответствующей идиомы (*red herring* – «отвлекающий манёвр»; *white elephant* – «обременительное имущество, обуза» [Seidl, McMordie 1978: 221]).
- Калькирование (например, *black sheep* – «чёрная овца»). Однако калька не всегда приживается в языке, поскольку она не опирается на внутреннюю культурную логику принимающего языка. Поэтому данный способ используется редко, преимущественно в письменных или художественных текстах, когда важна передача именно образа.

Выводы. Проведённое исследование подтверждает, что различия в цветовой картине мира у носителей русского и английского языков напрямую определяют структурные и семантические расхождения между цветowymi идиомами двух языков. Эти расхождения проявляются в следующем: полные эквиваленты встречаются редко и только на универсальных зрительных ассоциациях; частичные эквиваленты демонстрируют замену цвета или образа в соответствии с культурными предпочтениями каждого народа; безэквивалентные идиомы фиксируют уникальные культурные реалии, не имеющие аналогов в другой лингвокультуре.

Таким образом, цветковые идиомы – это не просто устойчивые выражения, а отражение культуры народа. Английские и русские цветковые идиомы фиксируют разные способы видения мира, поэтому даже за одинаковыми цветами в двух языках могут стоять принципиально разные ассоциации и ценности. Следовательно, при изучении иностранного языка недостаточно просто перевести идиому – необходимо понимать культурную логику, стоящую за выбором того или иного цвета.

ЛИТЕРАТУРА

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. Изд. 2-е, доп. М.: УРСС, 2005. 120 с.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 4-е, перераб. и доп., М.: Рус. яз., 1984. 944 с.

Любимова Н.А., Бузальская Е.В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия её составляющих // Мир русского слова. 2011. № 4. С. 1–8.

Мишенькина Е.В. Специфика восприятия русскими и англичанами групп ароматических и хроматических цветов в языковой картине мира // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4, Том I (Гуманитарные науки). С. 1–3.

Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. С. 47–56.

Seidl J., McMordie W. English Idioms and How to Use Them. Oxford University Press, 1978. 268 pp.